

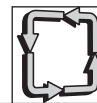
Имена собственные и независимость семантики от онтологии¹

Е.В. ВОСТРИКОВА

Проект формального систематического описания естественных языков, получивший мощный импульс в работах философов Г. Фреге и Р. Монтегю, успешно развивается главным образом в рамках лингвистики. Проект основывается на разделении труда между тремя основными областями семиотики: семантикой, которая изучает отношение выражений языка и тем, что они обозначают; синтаксисом, который исследует правила сочетания выражений, грамматическую корректность; и прагматикой, которая исследует коммуникативные аспекты языка.

Однако в рамках философии, как зарубежной, так и российской, возможность реализации данного проекта зачастую подвергается сомнению. Во-первых, критике подвергается основополагающее для семантики понятие условий истинности. Широкое распространение получили поздние работы Л. Витгенштейна, в которых он рассматривал язык как сложную деятельность, осуществляемую по определенным правилам. В рамках так называемой прагматики условий истинности (Ф. Реканати) утверждается, что условия истинности любого предложения зависят от контекста и нельзя выделить какой-либо закономерности для этой зависимости. Во-вторых, многие философы полагают, что неопределенность естественного языка ставит возможность проекта его систематического описания под сомнение (С. Шиффер). Эти аргументы активно обсуждаются в современной философии языка. Однако и контекстуальная зависимость, и неопределенность могут быть успешно инкорпорированы в формальные исследования языка. А.Л. Никифоров формулирует еще один аргумент,

¹ Подготовлено при поддержке РФНФ, проект № 12-03-00588.

насколько мне известно, не получивший достаточного внимания в современной аналитической философии. Он нацелен на критику основополагающего для формальной семантики отношения референции или обозначения. Аргумент состоит в следующем:

(1) Понятие референции (обозначения) является основополагающим для формальной семантики.

(2) Понятие референции основывается на идее о том, что объекты обыденного опыта (люди, столы, кошки) а) существуют и б) могут быть идентифицированы людьми.

(3) Объекты обыденного опыта не существуют и не могут быть идентифицированы людьми.

Следовательно, проект формальной семантики не может быть реализован.

Поскольку я считаю, что научное и серьезное исследование языка может осуществляться только в рамках этого проекта, цель моего очерка – исследовать, что сторонник данного проекта мог бы ответить на аргумент А.Л. Никифорова.

Статья А.Л. Никифорова главным образом посвящена обоснованию посылок (2) и (3). Полагаю, что критика данного аргумента сторонником формальной семантики может быть нацелена в первую очередь на критику этих двух утверждений.

На первый взгляд сочетание «объекты обыденного опыта» и «не могут быть идентифицированы людьми» может показаться сомнительным. Автор не использует выражения «объекты обыденного опыта». Тем не менее вряд ли имеет смысл отрицать, что большинство людей считают, что такие объекты, как другие люди, столы и стулья, являются объектами их опыта. Автор же утверждает, что не существует одного единственного объекта, обозначаемого собственным именем «Петр Куслий», воспринимаемого всеми индивидами и сохраняющего свою идентичность с течением времени.

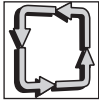
Итак, рассмотрим аргументы, которые он приводит для обоснования тезиса (3).

Первый аргумент: то, что мы рассматриваем в качестве объектов, не обладает идентичностью во времени.

(4) Сходство между человеком-ребенком и (тем же) человеком-взрослым является минимальным.

(5) Следовательно, вывод о том, что это один и тот же человек, является необоснованным.

Посылка данного аргумента, на мой взгляд, может быть подвергнута справедливой критике. Многие вещи остаются неизменными: данные о рождении индивида, его уникальный набор ДНК, отпечатки пальцев, сетчатка глаза и т.п. Можно возразить, что эти вещи не доступны нам в обыденном опыте. Тем не менее существуют достаточно

серьезные основания полагать, что люди все же способны идентифицировать человека как одного и того же индивида.

Точка зрения автора скорее состоит в том, что у нас нет *независимого от языка* способа идентификации одного и того же объекта, а следовательно, мы не можем обращаться к этому объекту для объяснения значения выражений языка (например, значения имени): «Имя “Петр Куслий” *создает* свой референт, налагаясь – как некая объединяющая рама – на множество разных объектов» (курсив мой. – Е.В.).

Связана ли наша способность идентифицировать объекты с нашей способностью к языку? Мне не известен ответ на данный вопрос, однако хорошо известно, что животные и младенцы способны успешно идентифицировать, например, людей.

В то же время неясно, каким образом язык мог бы быть полезен для идентификации объекта. Если человек не способен опознать другого человека, то он не имеет оснований применять известное ему имя по отношению к этому человеку.

Вопрос о тождестве предметов во времени – сложная и интересная проблема эпистемологии и онтологии. Полагаю, что данная проблема независимо от результатов ее решения не окажет никакого влияния на семантику собственных имен и наши представления о том, как работает язык. Возможно, то, что мы идентифицируем в качестве одного объекта, на самом деле не является одним объектом.

В обыденном языке, как и в обыденном опыте, укоренено представление о том, что объекты собственных имен обладают идентичностью во времени. Рассмотрим, например, предложение:

(6) Петр, когда он был маленький, любил играть в теннис, а сейчас он совершенно не играет.

Предложение (6) вполне ясно понимается носителем русского языка. Слово «он» во второй части предложения анафорически указывает на того же индивида, что и в первой его части.

Более того, мы успешно можем понять следующее предложение:

(7) Петр понимает, что его детские страхи до сих пор оказывают на него влияние.

Иными словами, в независимости от того, обладают ли объекты на самом деле независимым существованием или конструируются человеком, единичные термины указывают на них.

Второй аргумент А.Л. Никифорова состоит в следующем:

(8) Каждый человек воспринимает некий объект обыденного опыта по-своему.

(9) Следовательно, нет единственного объекта, воспринимаемого всеми людьми.

В действительности, вывод (9) никак не следует из (8), а для того чтобы следовал, нужно исключить другие очевидные возможности, в частности ту возможность, что люди по-разному воспринимают один и тот же объект. На каком основании мы можем исключить такую

возможность? Наш язык, безусловно, ее допускает. Например, вполне возможен такой диалог:

(11) – Принеси мне тот удобный стул.

– Хорошо, только он совершенно неудобный.

В данном случае опять же «он» анафорически зависит от «тот стул» в первом высказывании. Тем не менее два человека приписывают различные противоположные свойства данному объекту.

На один и тот же предмет в языке могут указывать различные дескрипции. Возможно, аргумент автора состоит в том, что поскольку люди приписывают разные, а зачастую и противоречащие друг другу свойства тому, что представляется одним объектом, то это в действительности не может быть один и тот же объект.

В ответ на это сторонник формальной семантики мог бы сказать, что такие свойства как «добрый», «строгий» (которые приводит автор), можно представить в виде отношений «добрый к матери», «строгий с коллегами», таким образом избавившись от противоречивости.

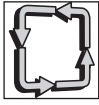
Следует также различать приписываемые свойства и реальные свойства объекта. Например, кто-то может ошибочно полагать, что Петр является убийцей. Неверно было бы утверждать на этом основании, что данный человек имеет дело с особым новым объектом – убийцей.

Я полагаю также, что критике может быть подвержен вывод автора, согласно которому собственное имя является общим, а не единичным термином. Различие между общим термином и единичным обнаруживается в нашем языке. Например, мы не можем использовать выражение «этот Петр Куслий» по отношению к конкретному временному промежутку или представлению мамы о своем сыне. В то же время мы всегда можем указать на конкретную кошку с помощью выражения «эта кошка». Мы не можем также употреблять «каждый Петр Куслий» для того, чтобы сообщать обо всех индексированных по времени и способу восприятия объектах. Опять же здесь обнаруживается ясный контраст с общими терминами, такими, как «каждая кошка», с помощью которого можно говорить обо всех x , обладающих свойством быть кошкой.

Даже если «Петр Куслий» указывает на ряд объектов, индексированных по времени, это не делает его общим термином. В языке присутствует различие между указанием на сложный объект или группу объектов и обозначением класса, который задается существенным признаком данного класса. Сравним слово «мужчины» в двух предложениях:

(12) Этот человек – мужчина.

(13) Когда Таня вошла в комнату, мужчины встали.

В (13) «мужчины» указывает на конкретную группу людей, на сложный объект, но это слово не используется как общий термин, как в (12), где он обозначает класс всех x , таких, что « x -мужчина» является истинным.

Проект формальной семантики основывается на том, что объекты обыденного опыта могут быть идентифицированы, но не на том, что они обладают независимым существованием. Если выяснится, что в действительности мы живем в матрице, то выражения нашего языка будут указывать на соответствующие иллюзии в матрице. Может также оказаться, что объекты, которые мы по привычке рассматриваем как простые, являются сложными. Единичный термин в таком случае будет указывать на какой-то один сложный объект.

На мой взгляд, по отношению к концепции собственных имен А.Л. Никифорова может быть применен критический аргумент, сформулированный в работах Фреге. В частности, А.Л. Никифоров полагает, что существует нечто общее для любого употребления имени собственного, но каждый человек наделяет его также своим собственным значением, благодаря чему осуществляется коммуникативная функция языка. Однако Фреге показал, что индивидуальные представления кого-то о каком-то предмете следует отличать от того, что он называет смыслом. В коммуникации может передаваться только общая для всех агентов информация. Особенности восприятия Петра его женой и мамой не имеют отношения к коммуникации просто потому, что если они не доступны другим людям, то они не могут быть выражены в языке.

В действительности формальная семантика как раз и предлагает анализ информативности. Формальная семантика показывает, каким образом человек способен понимать новые предложения языка, которые он никогда ранее не слышал. Она демонстрирует, каким образом значение предложения складывается из значений составляющих его выражений. Понятие условий истинности, на мой взгляд, является ключевым для нашего понимания информативности.

Я соглашусь с автором в том, что, произнося «Это же Альберт Эйнштейн», я сообщаю гораздо больше, чем просто условия истинности данного предложения. Однако эта коммуникативная функция языка изучается в рамках прагматики, к которой, как показывают современные исследования, также могут применяться формальные методы исследования.